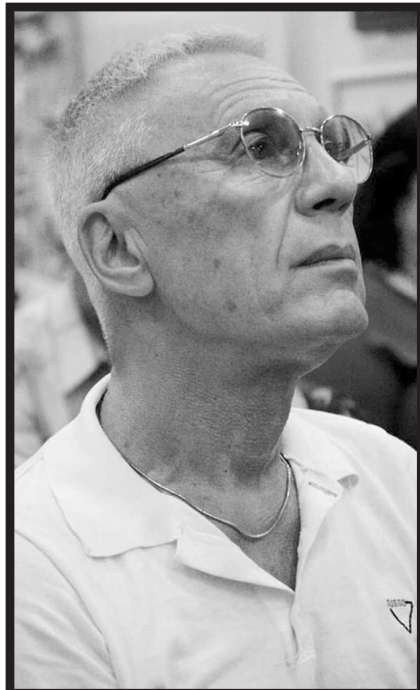

БУДЕМ ПОМНИТЬ

Валерий ХАИТ,
редактор журнала
«Фонтан»

Памяти Олега Сташкевича

– Я знал, что Олег уходит. Надеялся на чудо, говорил себе и общим друзьям, что он крепкий, что он такое в своей жизни испытал и преодолел – и тут справится, победит эту проклятую болезнь, вдруг навалившуюся на него после ухода Миши.

Увы... Я с ним весь этот последний год переписывался и перезванивался. Ему было очень тяжело, но он был прежним.

Точным, остроумным, деловым...

Терял силы, говорил об этом, извинялся, что не может в прежнем режиме общаться.

Все время помнил о любимой Одессе. Переживал за нее. Помню, примерно за полмесяца до ухода вдруг сам позвонил. Услышал какую-то одесскую новость, хотел обсудить.

Он все сделал, ко всему подготовился.

Когда ушел Жванецкий и телевизионщики, близкие друзья Олега, захотели снять фильм о нем самом (еще до того, как Олег узнал о своем ужасном диагнозе), он сделал так, чтобы фильм был исключительно о Мише. Четыре серии под названием «Мой друг Жванецкий» были сняты и показаны. Навероятно интересно. Искренне и благородно...

Уже был болен, но 20-го ноября прошлого года на свое 75-летие собрал друзей. Я по понятным причинам не смог приехать.

Но мне рассказывали, каким он был теплым, добрым, веселым...

Нежным. Прощался... Успел привести все свои дела в порядок. Помню, как даже гордился этим...

Друзья рассказали, что накануне ухода попросил привести его из больницы домой. Дома – принял душ. Выпил рюмку...

Потом были тяжелейшие двое суток. Рядом – самые близкие: Наташа Жванецкая, Ира Хургина.

Тяжко страдал. Ирочка Хургина сказала, что и тут старался оставаться собой.

Светлая память тебе, мой дорогой друг.

Сколько же людям ты украсил жизнь своею!

Верю, что смерти нет.

Сможешь – дай знать...

28 мая после продолжительной болезни скончался театральный режиссер, друг и литературный секретарь Михаила Жванецкого – Олег Леонидович Сташкевич

(20 ноября 1947 – 28 мая 2023)

Александр БИРШТЕЙН, писатель

ОБ ОЛЕГЕ СТАШКЕВИЧЕ

Познакомились мы в 1966-м... Давно, да? Наш общий приятель позвал отметить его поступление в ЛГИТМиК. Собрались, ух, отметили... Разговорились с Олегом и... весь вечер, почитай, проговорили. Он, вообще, закрытый, но тогда такое о своей жизни рассказал! Столько лет после того дружили, буквально по капельке его узнавал, все шутки-шуточки. Если о делах-здоровье спросишь. В общем, дружили. Виделись... И практически ежедневно! Дворец студентов, а там театральная студия! Олег мечтал ставить спектакли. Но тогда не давали. Олег терпел. Но своеобразно. Он умел доводить до абсурда любую режиссерскую идею, которую считал глупой. Что и демонстрировал. Все смеялись, и идея отпадала.

Кроме театра была еще библиотека. Нет, скорее, клуб в клубе. Читали стихи, слушали музыку, танцевали, пели. И, чего греха таить, выпивали. Встречались практически каждый день. И будни, и праздники вместе. Заместитель директора Дворца Саша Виноградский не только нам не препятствовал, но и сам захаживал «на огонек» и, по мере сил, соучаствовал.

А дворец, напоминаю, был имени Дзержинского. Только раньше он был чекистским, а потом стал студенческим. Впрочем, персонал остался прежним. Что впоследствии сказало. Но до поры, до времени нам все шло с рук.

Никогда не забуду танго в исполнении Олега и Лоры Чесноковой. Лора была почти в два раза выше Олега ростом. Танцует, она проносила длинную и очень красивую ногу над головой Олега. Так что первой этот номер исполнил не Семен Самойлович Крупник, а Лариса Чеснокова, при партнере Олеге Сташкевиче.

Олег любил музыку и часто предлагал свои музыкальные решения некоторых сцен.

– Шостакович! – обзывал его Юра Хащеватский.

Дорога во дворец проходила для большинства из нашей компании мимо моего дома на Жуковского, 7. Так что, к шести часам я стоял у ворот и ждал попутчиков. Как-то попутчиком оказался Олег. Он отвел меня в сторону и стал читать:

«Разобрали венки на венки,
На полчаса погрузстнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!»

К нам подходили, присоединялись наши друзья... Потом сторонние... Просили сначала. Олег читал громко:

«... Ах, осыпались лапы ёлочьи,
Отзвенели его метели...
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!»

Стихотворение «Памяти Пастернака», написанное Александром Галичем в декабре 1966 года, дошло до нас почти год спустя. Благодаря Олегу! От него я узнал имена и произведения драматургов Ануя, Сартра, Сарояна, оценил восточную поэзию...

А еще он научил меня носить сумку через плечо.

А главное, Олег научил меня театру.

В июле 1968 года, 14 числа, я, Олег и наш «третий друг» Слава Краснов отправились в Москву. Еще в самолете мы узнали о смерти Константина Георгиевича Паустовского. Утром следующего дня отправились на панихиду в Дом литераторов...

В декабре того же года у меня началась дипломная практика. А в феврале ко мне приехал Олег. О, я усердно готовился к его приезду. Купил билеты на спектакль какого-то восточного театра «Избиение младенцев» Сарояна, в театр Ермоловой, на «Теорию вероятности» Анчарова... Из всех моих старательных покупок Олег одобрил только «Доброго человека из Сезуана» Б.Брехта в театре на Таганке. Остальные билеты он... порвал. И стал объяснять мне, куда надо ходить, а куда – ни за что! Мы пробивались с боями в «Таганку», «Современник», в Театр сатиры... О, это было достойное соревнование в авантюризме при добыче билетов или убалтывания билетерш.

Одна постановка нам запомнилась на всю жизнь. Дело было 23 февраля 1969 года. В «Современнике» давали спектакль по Гончарову «Обыкновенная история». Было часа два-полтретьего, и из театра выходили зрители дневного спектакля.

– Давай зайдем! – предложил я.

– А дальше? – засомневался Олег.

– Запремся в туалет и подождем, когда начнут пускать «черных» зрителей.

Так и сделали. И посмотрели спектакль. И мне сдается, что он был лучшим в моей жизни, а видел я спектаклей очень и очень немало.

А в тот приезд мы еще долго обсуждали увиденное, и я учился, учился...

Поэт Инна Кашежева, чей день рождения был несколькими днями раньше, пригласила нас с Олегом в ЦДЛ, чтоб отметить это выдающееся событие. Ежась от холода, прямо на скамейке подле высотки на Краснопресненской, написали мы книгу из серии ЖЗЛ «Инна Кашежева». Если честно, большую часть написал Олег. Книга была прочитана имениннице и вызвала успех, переходящий в рыдания.

Летом я защитил диплом и стал советским офицером. Служил в Батуми. А Олег писал мне письма.

– Привет, Алексашка! – начинались они.

Чемпионат Одессы в рамках КВН вызвал небывалый ажиотаж. Еще бы: победитель должен был участвовать во всесоюзном первенстве. К финалу рвались команды медины и нархоза. А перед финалом состоялось другое важное мероприятие – моя свадьба. Так получилось, что с одной стороны свадебного стола сидели представители медины. С другой – Олег Сташкевич – один из руководителей команды нархоза. Он мужественно, в своей иронич-

ной манере, противостоял добрым языкам команды медиков.

В финале выиграл Медин, а на первенство поехал Нархоз. Так что, Олег стал двукратным чемпионом. (До того он был участником сборной Одессы, победившей пятью годами раньше).

Что дальше? Дальше как-то у каждого пошла своя жизнь. У меня семья, литстудия, у Олега – театр. Да-да, театр веселых и находчивых при Дворце студентов. Знаменитый спектакль «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», на который рвалась половина Одессы, а попало несколько сот избранных. Еще спектакли.

Олег стал работать театральным консультантом СТД (союз театральных деятелей)...

Вот интересно, Олег обожали актеры, зрители, но терпеть не могло начальство. И в СТД, и чуть позже в ТЮЗе... Вот мы говорим иногда «палки в колеса». Так эти палки – хворостины, по сравнению с тем, что пришлось Олежке преодолевать. Называть имена не хочется. Этих людей уже нет в живых... Как и Олега. Как и Олега... И, главное, достойные, талантливые люди! Что это? Ревность, что ли? Но разве ревность должна переходить в подлость?

А спектакль по пьесе Г. Полонского «Никто не поверит...» Олег поставил. В ТЮЗ пригласили. Прекрасный спектакль! Но остаться в театре Олегу не предложили...

Мы виделись, но как-то наспех, урывками. Я говорил, что-то ободряющее, но видел, что Олегу это неинтересно.

Выпустив блестящий спектакль, он остался без театра, без работы... Надо было набирать новый коллектив, а где? И опять упомянул я Александра Борисовича Виноградского. В ту пору трудился он директором клуба работников торговли, что в переулке Чайковского, 18. У Виноградского потрясающий дар притягивать талантливых людей. У него талант видеть, соучаствовать и помогать. Он принял Олега на работу с какой-то ставкой и дал возможность репетировать и ставить спектакли. Замечательные спектакли! Но вспомню лишь один. Это «Интервенция» Л. Славина. Премьера прошла в овациях. Выходы, выходы, выходы, поклонны... Опьяненные успехом, актеры высыпали на улицу, стали петь, танцевать. Собралась публика моментально. Это же Одесса. Кто-то сдуру бросил на землю шляпу. В нее посыпались рубли и трешки...

Кто-то стукнул.

Дело разбиралось на уровне обкома нашего КПСС...

Олега, как по мне, лучшего режиссера их тех, кто ставил в Одессе, выживали, выдавливали из города.

В Москве ему тоже пришлось нелегко. Сначала. А потом Михаил Жванецкий позвал его к себе. Олег стал арт-директором, литературным секретарем великого Мастера. С тех пор они стали неразлучны.

Михаил Михайлович стал президентом Всемирного клуба одесситов. Олег – членом президентского совета.

Мы виделись довольно часто. Просто пересекались, просто говорили... Иногда, поздно-поздно вечером он звонил мне из Москвы, или писал в Фейсбуке. Почему-то всегда спрашивал, как я отношусь к творчеству Сергея Рядченко. Приглашал в итальянский ресторан на Александровском проспекте. Потом это как-то забывалось до следующего звонка.

И вот Олег умер... Он теперь там, где много, очень много таких, как он, замечательных людей. Гораздо больше, чем тех, кто остался.